

Кузнецов А.Ю.

ФЕНОМЕН ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В ГЕНЕЗИСЕ НОВОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО КАРКАСА

У статті розглядаються проблеми виникнення нової культурно-історичної парадигми, що одержала назву постмодернізм. В рамках виникаючої парадигми виділені певні феномени, що детермінують основні особливості формування концептуальних каркасів постмодерністської парадигми. Акцент робиться на специфічності дискурсу постмодерністського менталітету та особливостях його артикуляції.

Ключові слова: нова культурна парадигма; постмодерністська ментальність; дискурс.

In the article the problems of the appearance of the new culture historical paradigm which has given name postmodernism are considered. In the frame of the rise paradigm the proper phenomena are determined. The phenomena determine the main features of the formation of the conceptual framework of the postmodernism paradigm. The accent is made on specific of the postmodernism mental discourse and peculiarities of its articulation.

Key words: new culture paradigm; postmodernism mental; discourse.

Выступая историческим феноменом сознания, постмодернизм чаще всего воспринимается в качестве некоего конгломерата культурных явлений, что осложняет подходы к его рассмотрению. В то же время, претензии на мировоззренческое доминирование неизбежно вступают в диалог с иными культурными парадигмами. Именно поэтому одной из целей статьи является анализ условий возникновения как оснований новой парадигмы, к которым мы относим и специфическую форму чувствования, так и отдельные эпифеномены, сопровождающие такого рода чувственность.

Одной из ключевых проблем в пространстве гуманитарной мысли остается как проблема возникновения новых парадигм как видения современных реалий, так и артикуляция такого видения. К числу подобного рода парадигм, переросших статус локальных, относится парадигма постмодернистской чувствительности, анализ которой и определяет актуальность данной статьи. Следует отметить, что одним из оправданий все еще терпимой философии является страсть не только к новым определениям, но и в упорстве осмысления сути возникающих вокруг нас новых понятий. Это упорство в уточнении обобщающих понятий делает честь и представителям профессии в частности, и предмету в целом.

Говоря о степени исследования проблемы, следует отметить авторов, активно развивавших структурализм как теорию и метод. И хотя сам структурализм очень неоднороден, однако сформулированная им предметная область исследования – прежде всего устойчивые структуры таких систем, как язык, искусства, литературы объединила немало талантливых исследований. Прежде всего к ним следует отнести Ф. де Соссюра [1], который рассматривал язык как упорядоченную систему знаков, что в последствии сгенерировало рождение структурной лингвистики. Также следует отметить вклад Клода Леви-Стросса [2], основоположника методов структурной антропологии. В

дальнейшем исследования в данной предметной области особо интенсивно развиваются в 60-е годы прошлого столетия в работах по размежеванию структуралистских и постструктуралистских оснований. Ведущие теоретики постструктурализма – М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Бодрийар, Ю. Кристева [3] – провели тщательную ревизию структуралистских оснований, найдя их недостаточными. В частности, этим основаниям инкриминировалось “потакание” логоцентристской методологии.

Прежде чем вести разговор о сущности проблемы, желательно отследить тенденции, сопутствующие ее становлению. Одной из такого рода тенденций можно назвать аллегорическое толкование той или сущности, чтобы в дальнейшем заняться подробной критикой измышленного образа. В этой связи можно привести в качестве примера выдержку одного из самых известных авторов, анализирующих постмодернистскую традицию Ильина И.П. В одной из своих работ, являющейся примером скрупулезного исследования гуманитарного феномена, он начинает исследование с экскурса в этимологию древнегреческого мифологического существа – химеры. Без всякого сожаления изничтожив образ несчастной полукозы, полулъва, измышленный самими же греками посредством воспринимаемой ими как игры абстрагирующей способности, без всякой иронии уважаемый автор переходит от козы к постмодернизму следующим пассажем: “Сходство постмодерна с его греческим прототипом, пожалуй, нагляднее всего просматривается в его литературной практике, ибо типовое произведение постмодернизма всегда по своей сути представляет собой высмеивание, варьирующееся от снисходительной иронии до желчного трагифарса, трех одинаково неприемлемых для него форм эстетического опыта: модернизма, реализма и массовой культуры; подобно древней химере, постмодерн грозно рычит на растиражированные шаблоны высокого модернизма, бодает идею реалистического мимесиса и своим ядовитым хвостом злобно жалит жанровые штампы развлекательного чтения и других форм индустрии развлечений” [4].

Говоря о генезисе постмодерна, чаще всего основным его предикатом называют исход последнего из традиций модерна, точнее, из универсального кризиса модерна. Однако в становящемся общим местом утверждении о том, что с начала 60-х годов в социальном мире происходят сдвиги, сравнимые с тектоническими, нет четкого определения того, к каким контурам в грядущем устремлено движение. В отмеченные годы и несколько позднее следует отметить скорее мозаичность представлений о будущем социума, чем их единство. “Новое гражданское общество”, “конец субъекта”, “конец модерна” и немало других предикатов рассматриваемого времени скорее соперничали между собой, чем искали общие точки зрения. Подобная мозаичность усиливалась напряженностью, порождающейся биполярным как политико-экономическим существованием, так и методолого-мировоззренческим.

Рассмотрение историко-социологических реконструкций эволюции модерна не является целью рассмотрения в данной статье, но именно в середине прошлого столетия начинают говорить о завершении проекта организованного модерна [5]. Отмечалось, что универсальность организованного модерна заключалась в различного рода конвенциях – в экономической сфере, в политической и интеллектуальной. Им соответствовали фордизм, организованная демократия и технократические альянсы. В этом смысле следует различать, казалось бы тождественные, понятия “постмодернизм” и “постмодерн”. Нам кажется, что первое относится ко второму как теоретическое к феноменальному, рефлексивное к опытному. Постмодернизм есть скорее теория относительно состояния социума, которое характеризуется как постмодерн. По крайней мере, об этом можно

говорить конвенционально.

Ориентация общественного сознания на иное, прежде всего в социальном, во многом обусловлена родовыми особенностями рефлексивной критики. Трудно сказать об этом лучше Э. Баумана: "Предметом критики оказывались все очередные свершения современной цивилизации – ни одно не выдерживало испытания культурой. Вопреки надеждам и обещаниям, ни одно из них не делало наш мир регулярным, прозрачно-постижимым, удобным для рационального мышления, свободным от многозначности. Каждая очередная попытка классификации создавала ничейные области, каждая категоризация умножала запасы двусмысленностей, каждый новый дорожный указатель открывал новые перспективы бездорожья. Было только вопросом времени, чтобы дух сомнения и критической отваги, заботливо воспитанный «современностью», обратился и в руки, которая его вскормила. На каком-то этапе «количество перешло в качество», к этому добавилось что-то вроде «кризиса парадигмы» по Т. Куну, накопилось такое множество разочарований и аномалий, что уже нельзя было отделяться от них указанием на ошибки в вычислениях или на попадание в жизненное варево посторонних ингредиентов. Критика результатов перешла в критику намерений. Теперь ищут ошибки не в том, что сделано, а в основаниях, принципах, во имя которых это делалось. Главное сегодня – не столько отказ от некоторых центральных для ценной социологии категорий (это самое легкое), сколько освобождение навыков мышления, связанных с использованием этих категорий. Речь идет главным образом о видении действительности человеческого общежития не как объекта административного воздействия, нормативного регулирования и функциональной координации, но как области самопроизвольных и слабо скоординированных процессов; а также об избавлении такой трактовки теории, согласно которой она должна заранее определять то, что могут определить только человеческие действия" [6].

Однако существует критика и способы аргументации этой критики. В этом смысле трудно упрекнуть постмодернистские критические филиппики в формально логической изоционности. Как правило, основным аргументационным методом апологетов новой философской волны является доказательство от противного, одного из видов косвенного доказательства. Если в логических доказательствах обоснование истинности высказывания, суждения или теории проводится по правилам и средствами логики, то в так называемых апагогических – (от греч. *apagogh* – отводящий) – косвенных доказательствах, к которым относятся и доказательства от противного, из отрицания тезиса выводятся заведомо ложные суждения.

Подобного рода приемы в истории логической аргументации далеко не новы, а начала апагогических доказательств можно найти уже в философии элеатов. В частности, Парменид в качестве основного приема при формулировании своих апорий прибегал именно к подобного рода доказательствам. Особенно это заметно в апории о бытии и небытии. Пармениду требуется доказать, что бытие не происходит и не уничтожается. Исходный тезис формулируется апагогически – небытие не может быть бытием, и по процедуре формальной логики выводится умозаключение, требующееся автору – бытие не уничтожается, так как существует только бытие. В свое время достаточно широко данным приемом пользовались софисты, что нашло свое выражение в силлогизме формулы *modus tollendo ponens*. Как правило, в качестве основания подобного рода доказательств выступали несущественные характеристики рассматриваемых феноменов и суждений. Именно это заставило Аристотеля сформулировать следующий тезис: "Знать – это иметь доказательство не из акциденций". Сегодня же подобная практика доказательств

становится обычным местом.

Отсюда можно вывести следующее: прежде чем делать выводы относительно сущности происходящих подвижек в мировоззренческих основаниях, в том числе методологического характера, требуется скрупулезный анализ не формализованных новоязом аргументационных порядков. И, как правило, неточности и разночтения находятся в исходных концептах строящейся теории.

В этом плане инструментально мощным концептом выступает введенное в философский оборот в шестидесятые годы прошлого столетия М. Фуко понятие “эпистема”. Будучи одной из несущих конструкций в архитектонике структурализма (хотя сам Фуко всячески открещивался от принадлежности к данному направлению) эпистема понималась, прежде всего, как система языка, форма артикуляции мышления. Однако, как нам кажется, существеннейшим выводом из констатации такого рода системы является то, что она жестко ограничивает формы артикуляции, тем самым продуцируя определенную степень стагнации дискурсивных практик.

Механизмы данного ограничения различны – предписания, запреты, речевые артефакты и др. Неофитами постструктурализма выделены историко-культурные типы эпистем, получивших название моделей. Это античная, средневековая, возрожденческая, просветительская и современная. Каждая из моделей имеет свои специфические особенности соотношения между вещами и словами. Для нас важно отметить, что понятия “эпистема” открывает двери во множественность методологических интерпретаций, чем не преминула воспользоваться, с учетом критически ассимилированного постструктурализма, новая, или претендующая на эту новизну, эпистема – постмодернистская.

Следует отметить, что семантика “пост” достаточно красноречива и акцентирует внимание скорее не на отличие, а на филиацию концептуальных смен. Однако либо семантика в данном случае неадекватна, либо она сконструирована вне содержательного контекста нового направления, либо инерция деконструкционизма породила новое содержание – однако трудно найти последовательность, а тем более преемственность в работах апологетов нового стиля мироощущения. И если воспринимать это мироощущение действительно как эпистему, то основной ее характеристикой может быть названа ирония.

Ирония как метод философской критики известен с сократовских времен, но у Сократа этот метод скорее дидактичен, в то время как эпатажная критика со стороны постмодернизма, фоном сопровождающая все “каноны” классического методологизма, носит инвективный характер, причем чаще всего незаслуженно. И если сократовская ирония вызывает снисходительную улыбку даже у того, кто подвергается критике, то после критики постмодернистского толка складывается впечатление, что последние остатки рациональности с шумом изгоняются из предметных ниш философствования. Но все было бы не так остро, если бы критике в прежнюю очередь не подвергалась основная ценность идеи века Просвещения – Разум. Следует отметить, что постмодернистская критика не направлена прямо на разум и его возможности, а уничижает просвещенческую направленность, сводя его к излишней методологичности и инструментальности. Просвещенческий разум для них чужд аффективности, коммуникативности и, напротив, слишком диалогичен и операционабелен. Плоды подобного рода “внечувственности” разума абсолютно безразличны каким либо аксиологическим универсалиям – Лас-Вегас и концлагерь, напалм и метрополитен – разуму, по мнению постмодернистов, безразлично моральное измерение порождаемых им феноменов культуры, как материальной, так и

духовной.

Пиком же неприятия для постмодернисткой чувствительности выступает концептуальное, метафизическое мышление. Инкриминируя ему диктат в методологических претензиях, постмодернизм формулирует и название подобного рода эпистем – в нашем случае это “метафизический дискурс”. А коль скоро власть языка, или дискурса, почти фатум, то избавление из его пут – дело исторической инициативы, мессианские скипетры которой в надежных руках борцов с великими нарративами. Отсюда растут претензии на исключительность акторов, занятых в мизансценах “превозможания” диктата логоцентрического мировоззрения. Поскольку исключительность предполагает штучный характер, то и представители данной исключительности “избранны” по особенному признаку. Причем, как ни странно, основанием для дивергенции принимается тот же разум. Однако существенным отличием его, в данном случае от философствующего обывателя, является некая дистанцирующая от обыденного мышления аномальность, которая единственно может вывести за рамки зашоренного стереотипами мышления. И можно привести массу примеров из истории, описывающих природу подобной необычности. Правда, это чаще всего истории клиники болезни, получившей название шизофрении. В стереотипах общественного сознания шизофрения ассоциируется с психическим нездоровьем, с-ума-шествием, где под умом и понимается традиционность. Да и сами медики неоднозначно оценивают этот душевный недуг, в том числе говоря о причинах его – в какой степени это медицинская проблема, а в какой социальная? И вообще, болезнь ли это? Или редкая способность (по статистике шизофреников около одного процента) альтернативного как видения мира, так и его отражения?

Можно встретить точки зрения, что именно эти люди выступают локомотивами социальных и технических новаций. Первая обезьяна, вставшая на две ноги, по меркам нормы ее одностадников – конечно же, шизофреничка, прежде всего в силу парадоксальности своего поведения.

Исключительность личности в подобного рода проявлениях ставит ее в положение отчужденности, маргинальности. Она не может укорениться в какой либо аутентичности, ибо ее аутентичность это поиск и неудовлетворенность. Отдавая должное великой плеяде гениев, избранных шизофренией, невозможно не назвать в ряду художников – Ван Гога, Тулуз-Лотрека и Врубеля; музыкантов – Шумана; писателей – Достоевского и Манделштама, Кафку и Достоевского; архитекторов – Гауди; поэтов – Батюшкова и Хлебникова; философов – Ницше. Не менее велики и художественные образы мировой литературы, пришедшие в мир как чудаки и изгои – Дон-Кихот и Офелия, Иван Карамазов и Иван Дмитриевич из “Палаты № 6”. Разумеется, из этого не следует, что все шизофреники гении, однако история психиатрии никогда не расскажет нам о “залеченных” пациентах, которые так и не приняли враждебный для них мир порядка и традиций.

Следует отметить, что в психотических мирах нет места для конвенциональности, поскольку любой из этих миров обладает только индивидуальной системой значений, в которой значения и отношения между ними носят аконвенциональный характер. Отсюда, мы считаем, и следует выводить те удручающе противоречивые (с одной стороны, дидактически наставительные, а с другой – антиметодологические) эскапады, которые блещут как индивидуальностью, так и бессистемностью в доказательствах. И здесь в качестве предметной действительности можно предложить разделение на различие альтернативных миров друг от друга, заметив при этом, что общим для этих

миров является артикуляционная деятельность, применительно к теории – общность вербальная. Однако сами авторы рассматриваемого направления чаще всего пренебрегают данной общностью, позволяя себе вольно обращаться с принятыми значениями. Разумеется, новояз создает видимость оригинальности, однако требует и определенности. В то же время честь определения новоязовских экспериментов отдана в академические сообщества, скрупулезность представителей которого и расширяет в геометрической пропорции новые нарративы.

На наш взгляд, категория постмодернистской чувствительности и снимает в себе именно подобного рода изошренность в чувствовании предмета, с которым соприкасается исследователь. Аппелируя к поэтическому мышлению, она благовестит метафоричность и недискретность, в силу чего опорной конструкцией адекватного описания мира предлагается принять искусство.

Именно поэтому для него единственной реакцией на гранднарративы является идиосинкразия, а ответным жестом – жесткая критика с позиций альтернативного восприятия мира. Нам кажется, что характерный антиакадемизм и является следствием подобного рода, когда образность мышления замещает традиционный логический дискурс. И именно поэтому в постмодернистских концептуальных схемах так много метафор и столь недостает убедительности.

И если постмодернистская чувствительность противопоставляет себя философскому рационализму, воплощением которого считает метафизический дискурс, то она же противопоставляет себя и всем другим дискурсам, строя свои концептуальные ряды соответствующим образом.

Литература:

1. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. – Изд-во Эдиториал УССР, 2004; Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. – Изд-во “Прогресс”, 2004, – 230 с.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М., 1983, – 270 с.; *The Savage mind.* – Oxford university Press, 1996.
3. Барт Р. *S/Z.* – М.: Ad Marginem, 1994. – 303 с; Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. – М., 1989. – 616 с; Барт Р. Мифологии. – М., 1996. – 312 с; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // *Философия эпохи постмодерна.* – М., 1995; Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995. – 172 с.; Делез Ж. Логика смысла. – М., 1995. – 299 с; Делез Ж. Фуко. – М., 1998. – 172 с.; Деррида Ж. *Голос и феномен.* – СПб., 1999. – 208 с.; Деррида Ж. *Позиции.* – Киев, 1996. – 192 с; Крестева Ю. *Разрушение поэтики.* М.1970. – 150 с.; Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка в психоанализе.* – М., 1995. – 192 с.; Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* – СПб., 1994. – 406 с.; Фуко М. *Археология знания.* – М., 1994. – Киев, 1996. – 208 с.; Фуко М. *История безумия в классическую эпоху.* – СПб., 1997. – 576 с.
4. Ильин И. *Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа.* – М.: Интрада, 1998. – 190 с.
5. Фурс В. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса.* Минск: Экономпресс, 2000. – 250 с.
6. Бауман З. Спор о постмодернизме // *Социологический журнал.* – М., 1994. – № 4. – С. 6-12.